

наследие

«Петербургу нужен не культ руин, а культ красоты»

Представитель Фонда содействия строительству культовых сооружений Русской православной церкви в Санкт-Петербурге **Филипп Грибанов** в интервью корреспонденту «Ъ» Арине Макаровой рассказал о том, каких принципов, по его мнению, стоит придерживаться при развитии исторического центра города и восстановлении памятников.

— экспертное мнение —

— У фонда, который вы представляете, весьма специфическое направление — вы воссоздаете православные церкви. Какие проекты сейчас в работе и каковы ближайшие планы?

— Сейчас мы готовим к сдаче в эксплуатацию церковь Пресвятой Троицы в составе выявленного объекта культурного наследия «Киновия Александров-Невской лавры», которая находится по адресу Октябрьская набережная, 18, лит. А. В 2015 году, когда мы взяли этот проект в работу, это было полностью разрушенное здание, и на сегодняшний день оно уже восстановлено в соответствии с историческим обликом. Второй объект, который сейчас в стадии воссоздания, — это церковь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость с грошиками» на проспекте Обуховской Обороны, 24. Этот проект сложнее, так как церковь была взорвана в 30-е годы прошлого века. Планируем завершить его в течение полутора лет.

— Но почему именно церкви?

— Потому что это важная часть истории нашего государства. Церковные здания доверялись строить величайшим архитекторам своего времени, поэтому практически все они представляют собой бесценные памятники. В проекте восстановления любого храма заложена важная объединяющая идея.

— По какому принципу вы выбираете объекты для реконструкции? Какой на очереди?

— Есть целые книги по утраченным храмам города — их сотни, и многие из них утрачены безвозвратно, хотя они представляли собой бесценные архитектурные памятники. Выбор проекта зависит от множества факторов. Например, в случае с киновией это была инициатива горожан, которые собрали материалы, инфор-

мацию, добились выделения городских средств на исторические исследования и техническое обследование и пришли к нам с наработанной документацией. Если бы мы не начали тогда реставрационные работы, она бы просто разрушилась, это был вопрос нескольких лет.

Мы комплексно и деликатно подходим к каждому предложению, изучаем возможность его восстановления с технической, юридической и архитектурной точки зрения. Понятно, что никто не будет сносить ради восстановления храма ни БКЗ «Октябрьский», ни станцию метро «Площадь Восстания». Но есть объекты, которые вполне органично вписываются в существующую ткань города.

Инициативные группы граждан к нам обращаются с разными предложениями, причем это далеко не всегда православные активисты, по большей части это историки и культурологи. Все их идеи мы рассматриваем очень внимательно. Например, сейчас мы обсуждаем создание памятного знака на Троицкой площади — на месте Троицкой церкви, где Петр I принял титул императора. Мы прорабатываем эту идею с коллегами из КГИОП. Храм был построен с 1709 по 1711 год, и значение этого собора для Петербурга невозможно переоценить. Но воссоздавать деревянное здание, фундамент которого расположен частично на существующем ныне проезде, частично на территории жилого дома, не имеет смысла, да и оно не впишется в окружающую застройку. Это было бы неправильно по отношению к истории и городу, поэтому речь идет о памятнике.

Есть и, казалось бы, очень необычные предложения. К нам обращаются с идеей воссоздания колокольни Смольного собора, которую начал возводить еще Растрелли и построил ее до второго яруса. Однако в 1756 году строительство было приостановлено

АРИНА МАКАРОВА

из-за недостатка финансирования — началась Семилетняя война. Археологические исследования выявили уцелевший фундамент колокольни. И, насколько я знаю, идея ее воссоздания уже обсуждалась. Несмотря на кажущуюся сперва необычность, проект мог бы стать очень интересным — не только воссозданным памятником архитектуры, но и высотной доминантой, яркой точкой притяжения. Причем речь идет не о церковном объекте, а именно о символе Петербурга.

Как я говорил, мы внимательно изучаем все обращения, поэтому мы, естественно, улубились в творчество Бартоломео Растрелли. Его гений трудно переоценить, он был истинным творцом прекрасного. Он создавал не только признанные во всем мире архитектурные шедевры — в его труде заложен глубокий смысл: он создавал красоту и величие. А что как не созерцание прекрасного делает нас лучше, вселяет в нас спокойствие и уверенность? Он создал тот самый Петербург, каким сегодня восхищается весь просвещенный мир.

— С какими сложностями сталкиваются инвесторы при воссоздании объектов в центре города?

— Со всеми возможными. Если пройтись по центру города, но не по парадному Невскому проспекту, то можно оказаться в депрессивном окружении с полуразрушенными домами. Заниматься ими некому, в

первую очередь в силу зарегламентированности застройки в исторической части города. «Дайте памятнику спокойно умереть» — такую фразу как-то я услышал от коллег из Пскова, которые цитировали представителя градозащитной организации. С такой позицией мы не согласны. У нас другое видение будущего городов с таким архитектурным наследием, как у Петербурга.

— С этим сложно поспорить. Как вам удается пройти процесс согласований и оказывает ли город поддержку?

— Нас поддерживает КГИОП, который на всех этапах нам помогает и подсказывает. Но опять же это не связано с тем, что мы занимаемся культовыми сооружениями. Дело в подходе людей к своей работе и любви к своему городу. А сложность процедуры по большей части определена законами, и это вопрос уже не к исполнительным органам власти, а к законодателям.

— То есть вы считаете, что законодательство в отношении застройки центра города слишком жесткое? И это разрушает его исторический облик, а не сохраняет?

— По сути, центр сейчас обречен. С одной стороны, в начале 2000-х историческая застройка довольно слабо охранялась, было совершено огромное количество градостро-

ительных ошибок. И это была одна крайность. Сейчас мы загнали себя в новую ловушку — строительство и реконструкция практически замерли. Город мумифицирован. А если обратиться к Конвенции об охране культурного наследия, то получается, что в принципе ничего не нужно воссоздавать. Все это будет считаться новоделом. В городе разрушается множество исторических объектов, и сотрудничество с ЮНЕСКО нам никак не помогает избежать этого процесса. Я слышал только об их проверках, но ничего об их участии и помощи в реальной реставрации.

Все кричат, что надо ограничивать высотное строительство. А почему? Вот Петропавловский собор — это небоскреб, да и все великие здания, которые были построены 200–300 лет назад и которыми мы сейчас восхищаемся, были небоскребами для своего времени. Тот же дом Зингера (кстати, первый бизнес-центр в истории Петербурга) в свое время, когда его только вводили в эксплуатацию, был объявлен уродом и градостроительной ошибкой. А сейчас это одно из прекраснейших зданий города.

Небесная линия, о которой все говорят, но мало кто знает, что это такое, формируется как раз высотными доминантами. И, кстати, во всех городах высотными доминантами были церкви — таковы традиции европейской архитектуры. Но сама мысль о

том, что ровную линию разнообразит что-то непривычное, иное, вызывает бурные протесты.

— Это сейчас был камень в огород градозащитников?

— Я уважительно отношусь к их деятельности и признателен им за самоотверженную работу в тот период, например, когда было модно ночью подогнать кран и обрушить объект культурного наследия, да что там ночью — и днем бывало. Однако, на мой взгляд, не совсем корректно, когда они выступают от имени всей общественности. Все же градозащитники — это активная, но сравнительно небольшая группа граждан, а общественность — это вы, это я, это все. И у нас могут быть другие взгляды на будущее нашего города. Петербург — светский, многоконфессиональный и многонациональный город с множеством разных точек зрения на каждый вопрос. Системы ценностей у петербуржцев очень разные, но при этом все мы живем в одном городе. Кроме того, термин «градозащитное движение», как сейчас стало принято говорить, предполагает действия, а не блокировку действий других людей. Сколько объектов градозащитники отвоевали у инвесторов? И что с ними стало дальше? Они стоят и разрушаются. Эти активные группы граждан могли бы, например, объявить сбор средств и организовать противоаварийные и реставрационные работы. На мой взгляд, голос градозащитников был бы намного сильнее, будь он подкреплен реальными отставившими объектами. Они были бы убедительнее и понятнее обществу в целом, создавая что-то.

Пока каждая сторона мыслит в своей плоскости, мы видим не диалог, а два монолога — эмоциональный и рациональный. Инвесторы и власти говорят о восстановлении объектов, создании новых общественных пространств, точек притяжения для горожан и туристов, рабочих местах, налогах. А градозащитники считают, что они все разрушают. Это тупикинский путь. А я хотел бы видеть диалог, хотел бы участвовать в нем. Мне нравится смотреть на вещи с позиции, что нас связывает, а не что различает. Я бы предложил всем поискать точки соприкосновения. Первое, что приходит на ум, — это любовь к нашему городу. Я уверен, что если мы все заходим и подумаем, то найдем немало общего. Надо в культ возводить красоту города, а не неприкасаемые руины.

Вернуть на старое место

— воссоздание —

Единичные доминанты на фоне плоского ландшафта — это традиция Петербурга, которой уже не одно столетие. Одни сохранились до наших дней, другие так и не состоялись, а часть из них была утрачена. По мнению экспертного сообщества, такие сооружения нуждаются в воссоздании для возвращения исторического облика города и восстановления утраченных архитектурных связей.

Несмотря на то, что облик Петербурга формировался на плоской равнине в дельте Невы, его знаменитые шпили лишь подчеркнули так называемую «небесную линию» города. Одним из таких известных на весь мир сооружений является Петропавловский собор, возведенный на территории одноименной крепости, с которой и началось строительство Петербурга. До сегодняшнего дня собор по-прежнему остается главной архитектурной доминантой города. Вместе со знаменитым шпилем его высота составляет 122,5 м, что вплоть до 2012 года делало его самым высоким зданием Петербурга, а до 1952 года — и России. Другим зданием Петровской эпохи со шпилем высотой 72 м является Адмиралтейство, относительно которого ориентированы три городских магистрали: Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект, образующие так называемый «Невский треугольник».

Шпили и башенки также присутствуют и в рядовой исторической застройке Петербурга эпохи модерны и эклектики. Так, на углу Садовой улицы и Вознесенского проспекта в начале XX века был построен Дом городских учреждений («Городской дом») со шпилем и красной башней. Среди других известных зданий подобного рода — дом Кейбеля на пересечении улиц Большая Зеленая и Барочная, доходный дом Иоффа на Пяти углах, а также дом Розенштейна — Белогруда на площади Льва Толстого. Здесь же можно упомянуть

Утраченных доминант в исторической части Петербурга довольно много

дом компании «Зингер» на углу Невского проспекта с башней, увенчанной стеклянным глобусом.

Сохранившиеся храмы Петербурга также по праву можно отнести к архитектурным доминантам города. Так, Исаакиевский собор является вторым по высоте после Петропавловского, он имеет высоту 101,5 м. За ним следуют Смольный собор высотой 93,7 м, Спас на Крови — 81 м, Троице-Измайловский собор — 80 м и Казанский собор — 71,6 м.

Несостоявшиеся, утраченные и воссозданные

Одной из несостоявшихся городских архитектурных доминант является задуманная Бартоломео Растрелли колокольня Смольного собора, которая могла бы на несколько метров превзойти высоту шпиля колокольни Петропавловского собора. «Пожалуй, это самая известная архитектурная идея из нереализованных. Ее макет сохранился в Академии художеств», — говорит Александр Кононов, заместитель председателя Совета Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИИК. По его словам, это скорее исключительная ситуация, поскольку то, что плани-

ровали построить архитекторы в Петербурге, с большой долей вероятности было реализовано. «Можно говорить об отдельных ансамблях и акцентах, которые не были воплощены в жизнь. Однако из общегородских доминант нереализованный проект Растрелли является фактически единственным», — добавляет он.

С господином Кононовым солидарен Владимир Трушковский, генеральный директор ООО «Ленстройуправление». По его словам, к формированию архитектурного облика города во времена его застройки предъявлялись жесткие требования. «Если какая-либо доминанта и не была возведена, то это связано с жесткими ограничениями по высоте застройки. Но это не касалось духовных доминант: они зачастую возводились выше и были отдельным сегментом», — указывает он.

А вот утраченных доминант в исторической части Петербурга довольно много. В основном это церкви, которые были уничтожены после революции. Также множество петербургских шпилей, в основном на доходных домах в центральной части города, не сохранилось по причине отсутствия должного ремонта и впоследствии их сноса из-за опасности обрушения.

Среди несохранившихся церквей можно выделить Спас на Сенной,

Благовещенскую церковь на площади Труда, Покровскую церковь на площади Тургенева — счет идет на десятки. «В настоящее время лишь один из таких объектов возрожден — это церковь Рождества Христова на Песках, воссоздание которой скоро должно завершиться. О воссоздании других доминант пока говорить рано: церковь Спаса на Сенной, например, пока есть только в проекте», — говорит господин Кононов.

По словам Рафаэля Даянова, руководителя архитектурной мастерской «Литейная часть-91», возрождение Спаса на Сенной необходимо для того, чтобы восстановить архитектурную доминанту данного района города. «Исторически этот храм был первым, который видели при въезде в центральную часть города с Московского тракта. Спустя столетия панорама улиц почти не изменилась, но доминанта при этом все еще продолжает отсутствовать», — рассказал он.

Если же выйти за пределы исторического центра, то недавно был завершен проект восстановления церкви иконы Смоленской Божьей матери в Пулков, возведенной по проекту Кваренги. В свое время здание играло роль важной архитектурной доминанты. «Несмотря на то, что церковь была возведена в другом месте, потому как на старом месте это было сделать невозможно, здание в точности соответствует тому, что было отображено на архивных фотографиях», — подчеркивает господин Даянов. Еще одной воссоздаваемой архитектурной доминантой, расположенной не в центральной части города, а на левом берегу Невы, является храм Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость с грошиками» конца XIX века.

Если говорить о воссоздании зданий-доминант, не относящихся к храмовым комплексам, то одним из примеров может служить торговый дом «С. Эддерс и К. Схейфальс» на Гороховой, ныне — универсам «У Красного моста», где была воссоздана башня со шпилем в виде жезла Меркурия высотой 29 м. Поскольку

ни одного чертежа шпиля не было сохранено, он воссоздавался по эскизам и архивным фотографиям. «Многие считают, что шпиль универмага спорит с главным шпилем Адмиралтейства. Однако здание в нынешнем виде возвращает нас к той артикуляции, которая была задумана авторами проекта начала века», — замечает Владимир Трушковский.

Перспективы воссоздания

Новое строительство, допустимая высота, возможности реконструкции и воссоздания исторических зданий в центральной части города регулируются законом Санкт-Петербурга № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон». «Прописанные в законе режимы использования земель абсолютно оправданы, они позволяют сохранить центральную часть Петербурга в том виде, в котором она задумывалась ее автором — Петром I», — говорит господин Трушковский.

По мнению ряда экспертов, возможность воссоздания высотных доминант должна определяться историей места. «Нужно восстанавливать утраченные архитектурные связи, которые существовали при формировании облика города. Доминанты исторически были точками притяжения в городе и существовали практически во всех его районах. Сейчас эти связи во многом утрачены, и их необходимо восстанавливать», — подчеркивает господин Трушковский.

Эксперты сходятся во мнении, что воссоздание церквей, в любом случае, не будет иметь массового характера, поскольку в настоящее время в этом нет ни конфессиональной, ни градостроительной необходимости. По их словам, с точки зрения не градостроительства, а именно определенного ритма жизни современного города жителям вряд ли будет необходимо такое количество

храмов, какое было в дореволюционном Петербурге. «Выдающиеся здания, определявшие в прошлом градостроительный облик города, со временем будут воссоздаваться, но таких объектов не так много», — говорит Александр Кононов. С ним солидарен и Рафаэль Даянов, отмечая, что воссоздание утраченных петербургских доминант уже можно называть тенденцией.

Еще одним принципиальным моментом является то, что ряд сохранившихся фундаментов утраченных исторических доминант признан объектом культурного наследия. По словам Александра Кононова, это означает, что такие здания могут быть воссозданы на старых фундаментах, а следовательно, на них не будет распространяться 820-й закон. «В 820-м законе прописаны ограничения для нового строительства. Мы видим, что воссоздание Рождественской церкви не привело к законодательным проблемам», — поясняет градозащитник.

Говоря о диссонансе с новой архитектурой или отдельными дополнениями городской среды, эксперты уверены: основные местонахождения наиболее ценных храмов особенно не поменялись. «Я не помню ни одного случая, чтобы место бывшего храма было застроено. В основном наиболее ценные погибшие церкви сохранили либо фундамент, либо место, где они были расположены», — добавляет господин Кононов.

Владимир Трушковский напоминает, что на появление зданий-доминант в Петербурге, не вписывающихся в текущую историческую застройку, жители города зачастую реагировали негативно, поэтому вновь воссозданные здания также могут вызывать вопросы. «Важный момент: то, что изначально не понималось, потом принималось как данность. Тем более если мы говорим о восстановлении облика Петербурга, являющегося единственным в мире примером создания имперской столицы», — говорит господин Трушковский.

Мария Кузнецова